

Алексей ИВАНОВ

Сердце пармы

АЛЕКСЕЙ
ИВАНОВ

Сердце пармы

Роман

МОСКВА
АСТ

Вы — свет мира. Не может укрыться
город, стоящий на верху горы.

Матфей 5:14

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
6963 год

Глава 1

МЁРТВАЯ ПАРМА

Зелёное золото Вагирийомы тускло отблёскивало сквозь прорези в кожаном шатре, расшитом понизу багрово-красными ленточками. Шатёр стоял на помосте, укреплённом на спинах двух оленей, что устало шагали за конём хонтуя. Позади остался длинный путь от родного Пельёма, путь извилистый и непрямой: через многие хонты своей земли, через священное озеро Турвát, на жертвенники у Ялпы́нга, по отрогам Отортена и на́полдень по Каменной Во́рге до самых Басегов. Хаканы встречали караван, меняли быков, помогали тянуть лодки вверх по рекам, тащили через перевалы и прощались, отправляя вместе с хонтуем по два-три воина от своих селений. К тому времени, как Вагирийому довели до Чусвы, у Асыки уже собрался сильный отряд в семь десятков манси. Оставив плоты у последнего павы́ла перед устьем Туявита-Сылвы, хонтуй повёл караван лесами напрямик к Мёртвой Па́рме.

Вековой ельник заслонил небо растопыренными космами, и только вдали, перед Пармой, вспыхивали слепящие пятна заката среди разошедшихся вершин. На тропе, заросшей орляком, загромождённой обомшелым валежником, было холодно и сумрачно. Сумрачно было и на душе у князя. Прежде чем везти сюда Вагирийому, он объехал свои владения, и теперь с ним лучшие манси, сын Юмша́н и сыновья хаканов, с ним пурихумы-жертвы и благословение Ялпы́нга. Но нет в его отряде людей северной Югры́, нету ёрнов и сара́нов, нету нагаев, баш-

кортов, казани, сибиров, печоры... Некогда их ждать. Омóль уже вбил свой кол.

Древней тропой от Сылвы на Мёртвую Парму давно, видно, никто не пользовался. Папоротник, буреломы... Заплыли белой смолой вырезанные на еловых стволах sóпры. Затянуло корой вбитые в деревья тамги, что указывают путь. Может, и лесные духи уже покинули парму? Шаман дремлет на спине оленя, держась за подпиленные рога и покачивая шест, на котором тихо звякает бубенчик, отгоняющий духов в тайгу.

Но вот конь под хонтуем вздрогнул, мотнул головой и фыркнул. Зверь раньше человека учует куля, который, почти невидимый, увяжется за путником. Успокаивая, Асыка ласково потрепал коня между ушами. Хороший конёк. Нята — Оленёнок. Два года назад он спас князю жизнь, когда на переправе через вздувшуюся Бур-Хойлу волна сбила князя с ног...

Шаман встрепенулся и затряс колокольчиком, качая рогами мохнатой шапки. Караван выходил к Брошенному Городищу. С болотистой опушки открывался вид на Мёртвую Парму. Огромная, похожая на медведя гора заросла могучими деревьями, но все они умерли, стояли сухие, голые, без коры, без хвои, без листьев. От заката лес-покойник пожелтел, как мамонтова кость. Брошенное Городище темнело у подножия горы, одним краем затонув в болоте. Сквозь чахлое, кривое редколесье князь разглядывал его, на ходу отмахиваясь от комаров еловой лапкой.

Валы заросли дремучей и серой от паутины малиной, из которой торчали кривые зубцы частокола. Постройки обрушились. Из сырых ям высывались сгнившие, осклизлые брёвна. Тонкие берёзки, словно птичья стая, разлетелись по Городищу. Заплесневев по шею, идолы-охранители косо чернели среди белых стволов. Бесстыже ярко горели мухоморы, и пучки поганок дрожали на трухлявых пнях.

Лёгкий озноб обметал виски князя, заставив вздрогнуть монеты на шапке. Дурное место. Так и чудится жёлтый, немигающий взгляд куля откуда-нибудь из болота. Ночами духам нравится приходить в покинутые людьми селения и играть там в свою любимую игру — в людей. Они сидят в ямах, как в домах, ходят в гости, роют землю, таскают брёвна, но потом забыва-

ют смысл игры и дико скачут по обвалившимся частоколам, вылезают в окна, прыгают с крыши на крышу, висят гроздьями на ветвях и оголившихся стропилах... Князь сплюнул в сторону Городища и положил ладонь на тамгу, нашитую на грудь кожаной рубахи.

Караван не спеша двигался вдоль склона Мёртвой Пармы. «Гляден — так называют её русы», — думал князь. Понизу гору охватывала ветхая изгородь, клонящаяся то наружу, то внутрь. Трава зелёно-белёсыми языками забиралась вверх, но чахла, сменяясь прелой хвоей и мхом. Скелеты деревьев неподвижно топорщили изломанные ветви над этой странной, застрявшей на отмели времени горой.

Обогнув плечо Пармы, караван миновал ворота со столбами-идолами, чьи остановившиеся глаза налились кровью камского заката. Невдалеке стрельнула искрой тёмная полоса речушки. Асыка, обогнав шамана, первым вывел Няту к травянистому берегу. Правее, на песчаном обрывчике, стояли балбаны родов — и совсем старые, побелевшие, треснувшие вдоль волокон, и новые, ещё желтеющие свежей древесины. Зверолицые, птицеголовые, рогатые, с человечьими личинами, глубоко врезаемыми в деревянную грудь... Воины каравана спешили, заходили по колено в воду, умывались. Звеня удилами, шумно пили кони и олени.

Дождавшись, когда Нята напьётся, князь тронул его и тихо поехал вдоль берега вниз по течению. Проплыло по правую руку устье Юрчима, и с пригорка открылся весь Шаманский Город. Он стоял посреди широкой вырубки, ощетинившись частоколами и шестами, и над ним огненным крылом Торума взметнулся закат.

По утопанной земле Священной дороги хонтуй медленно приближался к высоким валам с гребнем тына, к сторожевым вышкам на длинных и тонких ногах. По обе стороны дороги из кустов торчали чёрные головы истуканов. Могучие Перы-защитники высились над стенами, свирепо и невидяще впялившись в путников выжженными дырами глаз. За частоколом виднелись острые углы односкатных пермяцких кёрку. Над ними густо и враскось взлетали ввысь шесты с колокольчиками, фигурами духов, пучками лент, лисьими и волчьими хвостами,

птичьими колёбдинками. Навстречу хонтую из раскрытых ворот с лаем покати́лась орава разномастных косматых псов, запригавших вокруг Няты. Сквозь собачий брѣх в городе слышалось отдалѣнное позвякиванье молотков и шорох зернотѣрки.

Князь остановил коня у моста, переброшенного через ров. Трещали кузнечики, орали вдалеке лягушки, отфыркивался Нята. В проѣме ворот появился человек. Он тоже остановился и молчал. Князь не произнёс ни слова, разглядывая шамана и поджидая свой отряд. До темноты пришельцам нужно соблюдать молчание, чтобы духи, немые для обычных людей, могли хорошенько вызнать их, а ночью, когда для них наступит время говорить, — дали ответ.

Отряд постепенно собирался за спиной князя. Собаки метались под ногами лошадей и оленей, клацали зубами у самых ног всадников, но их никто не гнал ни окриком, ни плетью, ни палкой. Асыка ждал, щурясь на закат и рассматривая город.

Не таким уж и неприступным выглядел он вблизи. Валы начали оплывать. В щелях частокола видны были подпорки, изнутри приставленные к брёвнам. Давно не чищенный ров заполняла чёрная вода, затянутаая ряской, над которой дрожали комары. Сторожевые вышки обветшали и рухнули бы под тяжестью двух-трѣх лучников, а лестницы, ведущие на боевые площадки, недосчитывались ступеней. Только черепа на кольях — олени, медвежьи, человечьи — выглядели устрашающе. На страх и полагались шаманы, оберегая свой город. Но тот враг, который придѣт, не испугается ни черепов, ни идолов, ни богов. Он устрашится лишь того, что сейчас принёс сюда в своей груди князь Асыка.

Город шаманов умел многое. Он восходил к богам и нисходил к ящерам, изгонял демонов и призывал духов. Он знал, как направить умершего к Полуночному морю и как вернуть его обратно. Он считал звѣзды, предугадывал будущее и помнил прошлое. Он умел лечить людей и добывать металл, сочинять песни и вырезать идолов. Он ссорил и мирил народы. Но шаманы не умели двух самых простых вещей в этой жизни — кормить себя и бороться с судьбой. Он, князь Асыка, пришѣл сказать, что сделает это за них, если они поверят ему, поймут его и передадут его волю Вагирийо́ме.

Последний воин нагнал поджидающий караван, и князь движением колен направил Няту по мосту. Человек в воротах отступил в сторону, пропуская князя, и пошагал вслед за ним рядом с шатром Вагирийомы, звоном бубенчика на шесте отгоняя тени зла от её зелёного золота.

Глава 2 ХУМЛЯЛЫТ

Верховный шаман – пам – проснулся словно от толчка. Значит, где-то на другом краю Вышкара в это время проснулся князь Асыка. Тонкие нити уже связали пама с хаканом, хотя они ещё и не видели друг друга. Пам тяжело поднялся на своём низком лежаке и прикрыл ладонями глаза, останавливая бешеное мельгешение миров, сквозь которые навстречу пробудившемуся разуму неслась издалека его душа. Опершись на посох, пам встал, нашарил на столе бронзовую рукоятку огнива, высек искру на трут из бересты и, поддувая, запалил от него острый конец лучинки, пропитанной горючей смолой. «Пусть хакан видит свет в моём окне и приходит сюда», – подумал пам, опуская лучинку в горшок на плоском блюде, залитом водой.

Посохом открыв дверь, пам вышел из своего керку во двор. Над землёй, над Вышкаром, дико лучилась полночь. Луна висела над Мёртвой Пармой, превращая белый сухостой в колючие кристаллы хрусталя, которыми гора обросла, как изморозью. Где-то в страшной дали, опустив голову, созвездие Сохатого пило чуввинскую воду, а над Камой распахала вечную тьму Звёздная Ворга. Пам подошёл к низкой ограде двора и остановился, подперев посохом грудь. Лёгкий камский ветер забросил на лицо длинные белые волосы шамана, оплёл запястья прядями бороды.

Вышкар спал, только у ворот тлел костёр караульных да на кузнечном дворе в щелях домничной землянки то вспыхивал, то гас багровый ответ и вздыхали меха. Воины хакана тоже спали в отведённых им гостевых керку. Дом, где поместили князя и троих княжат, находился рядом с загоном. Пам увидел,

как, задумчиво поправив полог на проёме входа, высокий человек направился к изгороди. «Нята, Нята!» — шёпотом позвал он. Разбуженные кони глухо переступали копытами. Между жердей высунулась голова Няты, и Асыка протянул коню на ладони угощение.

Напрямик, сквозь лопухи и мерцающие во тьме заросли крапивы, мимо пустых домов и собачьих шалашей князь зашагал на пригорок, ко двору пама. Шаман в лунном свете молча разглядывал лицо хакана — узкое, скуластое, как маска безжизненное, резко очерченное линией сивых волос, натуго стянутых в две косы.

— Входи, — сказал пам остановившемуся у калитки князю.

Пам знал, что про него говорят, будто он видит людей насквозь. Это было правдой. Пам видел души человека — две, три, пять, у кого сколько есть. Душа-ворон живёт с предками. Душа-филин — с духами. Душа-сокол — с богами. Душа-лебедь — там, выше богов, где движутся судьбы. А последняя душа, живущая с людьми, у всех разная: у кого утка, у кого воробей, у кого ястреб. В хакане Асыке пам не увидел ни одной души. Он был глух и целен, как камень.

Хакан остановился на пороге и провёл пальцем по фигурным пластинам замка на двери, а затем, прищурившись, оглядел жилище пама. Старый шаманский керку был сложен из огромных, уже замшелых брёвен с врезанными в них тамгами. Под самыми стропилами в узком волоковом окне синели звёзды. Пам заменил догоравшую лучину в горшке. Огонёк осветил кровлю из берестяных полос, на которой зашевелились причудливые косматые тени от пучков трав, висевших на стропилах. Стол был завален кусочками кожи, обрезками кости, черепками. На чувале, в котором догорали угли, громоздился древний, позеленевший котёл со шербастиной на краю и обломанным ухом. На деревянном гвозде висела траченная молью одежда шамана, расшитая амулетами и бахромой. В изголовье низкого лежака под шкурой, служившей покрывалом, желтел медвежий череп. Покосившиеся полки были заставлены драгоценными болгарскими, персидскими, арабскими блюдами, тусклыми и горшочками с зельями. Один угол керку занимала груда коробов, в другом друг на друга были навалены резные чур-

ки-иттармы, в которых жили души былых шаманов Мёртвой Пармы, предшественников пама. В земляной пол были втоптаны угли, обрезки кожи и отщепы костей, перья птиц, уже ответившие на вопросы пама и больше ненужные. Над входом топырились огромные лосиные рога.

– Чего тебе надо, хакан? – спросил пам, деревянной кочергой шеveleda головни в чувале.

– Я хочу увидеть Канскую Тамгу.

– У меня её нет. Она там, где и должна быть, – на иттарме последнего кана.

– Проводи меня туда, старик.

– Ты увидишь её завтра, во время жертвоприношения.

Хакан помолчал, наблюдая, как шаман бронзовой ложкой на длинном черенке вылавливает из котла угольки.

– Я хочу увидеть её сейчас. Проводи меня. Я тебя прошу.

Пам подумал и опустил ложку в котёл.

Они медленно шагали по Священной дороге. Трещали кузнечики, во рву у Вышкара пели лягушки, в реке изредка всплывала рыба. Неприкаянные духи бродили по лесу, шумели ветвями, вздыхали, перешёптывались. Только Мёртвая Парма горбилась, как глыба подземной тишины. Однако для пама она не была горой мрака и безмолвия. Для старого шамана она была словно бы мускул огромного сердца земли, которое обнажилось из-под почвы и медленно бьётся вместе с высоким ходом судеб, что как тучи плывут над памом и князем, над Мёртвой Пармой, над народами, богами и звёздами.

– Скажи мне, хакан, ведь посвящение молодых князей – это только повод привезти Вагирйому туда, где находится Канская Тамга, так?

– Так, – согласился Асыка. – Я хочу получить Канскую Тамгу.

– Но ведь с тобой нет ни хакана, ни хонтуев от Югры. И наш князь в Йемдыне служит русам за пьяную воду, как собака за кость. И о намерении твоём не знают другие народы Саранпала и Мансипала. И те, кто считает себя нашими хозяевами, не давали на это своего разрешения. И даже твой собственный народ не знает, зачем ты поехал к Мёртвой Парме...